
pocket**book**

ДОНАЛЬД МАККЕЙГ

*Путешествие Руфи:
Предыстория «Унесенных ветром»
Маргарет Митчелл*

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Donald Mccaig
RUTH'S JOURNEY

Copyright © 2014 by Stephens Mitchell Trusts

Оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Маккейг, Дональд.

М15 Путешествие Руфи: Предыстория «Унесенных ветром» Маргарет Митчелл / Дональд Маккейг; [пер. с англ. Д. Макуха, Л. Михайловой]. — Москва: Издательство «Э», 2016. — 512 с.

ISBN 978-5-699-91535-4

Впервые на русском! Приквел к одному из самых любимых романов во все времена — «Унесенные ветром». Автор, которого наследники Маргарет Митчелл выбрали написание истории о Ретте Батлере, в новом романе великолепно описал жизнь Мамушки — няни знаменитой Скарлетт О'Хара — родившейся на Гаити и ребенком вывезенной в Америку. Много пришлось пережить юной Руфи: потерять близких и обрести новый дом, встретить любовь и пройти самое сложное испытание в жизни. И навсегда сохранить доброе сердце и негибаемую волю, став самым родным человеком для нескольких поколений одной семьи — и одним из любимейших образов читателей всего мира.

Возвращаясь в события 1820-х гг., в период до начала Гражданской войны, перед нами предстает грандиозная картина войны и мира, любви и горя нескольких поколений — истории, которая всегда будет освещать незабываемую классику Маргарет Митчелл «Унесенные ветром».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Д. Макух, Л. Михайлова,
перевод на русский язык, 2016
© ООО Издательство «Э»,
издание на русском языке, оформление,
2016

ISBN 978-5-699-91535-4

Посвящается Хэтти Макдэниел.

*«Я не перестаю удивляться
собственной жизни».*

«Крупная пожилая женщина с маленькими, умными глазами, как у слона. Чистокровная африканка с чёрной, блестящей кожей, до последней капли крови преданная семье О'Хара, главная поддержка и опора Эллен, источник вечного огорчения для трех ее дочерей и гроза всех остальных домашних слуг».

Маргарет Митчелл.
«Унесённые ветром»

Куда направишь ты свои стопы, туда пойду и я; и где остановишься ты, там же поселюсь и я: твой народ станет моим народом, и твой Бог — моим; и где окончишь ты свои дни, там же умру и я и там же буду погребена.

Книга Руфи

Эта книга — плод вымысла. Любые ссылки на исторические события, реальных людей или места являются вымышленными. Все имена, герои, места и события созданы воображением автора, и любые совпадения с событиями, местами или людьми, живыми или умершими, случайны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

САН-ДОМИНГО

История её жизни началась с чуда. Не какого-то выдающегося чуда; Красное море не расступилось, и Лазарь не воскрес. Одного из тех повседневных чудес, что отделяют живых от мёртвых.

Чудо это произошло на острове, который, несмотря на скромные размеры, отличался изобилием. Плантаторы называли его Жемчужиной Антильских островов. Спустя три недели после премьеры «Свадьбы Фигаро» в Париже оперу уже показывали в Кап-Франсе, здешней столице. Плантаторы, надсмотрщики и младшие сыновья управляли плантациями кофе и сахарного тростника, что умножало состояние богатых французов, а простых торговцев выводило в буржуа. Ежегодно остров давал больше дохода, чем все североамериканские колонии Британии, вместе взятые.

Но то было в прежние времена. А сегодня плодородные поля сахарного тростника лежали под толстым слоем чёрного пепла и разбитые плиты фундаментов некогда внушительных особняков проглядывали сквозь жёсткий, колючий кустарник.

Если не отдаляться от дорог, наполеоновским солдатам удавалось контролировать Плэн-дю-Нор вплоть до Вильнёва. И их фортам почти ничто не угрожало.

Но, когда спускалась ночь, солдаты устраивались на бивак внутри ограды или возвращались в Кап-Франсе. Горы же и днём, и ночью всецело принадлежали кабанам, козам, бунтовщикам и беглым рабам-маронам.

* * *

В тот день, когда случилось чудо, женщина, которая должна была стать владелицей ребенка, почти что матерью, сидела у окна и смотрела на восток поверх обвалившихся крыш и верхушек мачт запертого в гавани французского флота, на нежную лазурь бухты, поскольку прочие виды не сулили никакой надежды. А Соланж Эскарлетт Форнье, подобно лилии, что неизменно поворачивается к солнцу, всегда стремилась уловить хоть искорку.

Соланж, хоть и была молода, красотой не отличалась. Даже на своей свадьбе пару лет назад, в бабушкином платье с фламандскими кружевами и фамильных драгоценностях, она выглядела невзрачно. Но тот, кто рискнул взглянуть на нее второй раз, находил возможность и для третьего, задерживаясь на её высоких скулах, холодных серо-зелёных глазах, надменном галльском носе и сомкнутых губах, таящих обещание.

Постепенно становилось ясно, что одиночество сделало эту молодую женщину неуязвимой.

Соланж Эскарлетт Форнье выросла в Сен-Мало, процветающем порте на Бретонском побережье. Она хорошо знала свою родину и при разговоре едва заметно жестикулировала, как коренные жители этих мест. И ей отлично было известно, чьими руками и из какой шерсти изготавливается знаменитая пряжа Сен-Мало.

Здесь, на небольшом острове, Соланж Эскарлетт Форнье была загадкой для окружающих — провинциальной невестой без влиятельной парижской родни, замужем за непримечательным капитаном разгромленной армии. У самой Соланж никак не укладывалось в голове, как столь ужасная вещь могла произойти, и хоть она и осуждала своего мужа, Огюстена, но больше корила себя: как можно было допустить такую глупость?

В среде буржуазии Сен-Мало Форнье считались «важными», а Эскарлетты — «грозными». Анри-Поль Форнье и отец Соланж, Шарль, надеялись объединить свои дома с помощью брачного союза детей. Шхуны Анри-Поля перевозили товары Эскарлеттов, а авторитет Эскарлеттов усмирал алчность портовых чиновников. Каждому судну нужно два якоря.

Прямыми и обходными путями отцы подсчитывали выгоды будущего союза, ибо, как гласит бретонская пословица, на любви и бедности крепкого хозяйства не выстроишь.

Любовь? В присутствии старшей дочери Шарля Эскарлетта молодой Огюстен Форнье заливался краской и не мог вымолвить ни слова, и не имело значения, насколько Соланж равнодушна к своему поклоннику. Вне всякого сомнения, стерпится-слюбится.

Бедность? Отцы приложили немало усилий в предсвадебных переговорах, чтобы уравнять состояние жениха и солидное приданое невесты.

Ко дню свадьбы Огюстен владел девяноста процентами (Анри-Поль приберёт остаток в своих интересах) дальней плантации — Сюкари-дю-Жардан в 150 гектаров, с большим домом («настоящий Версаль!»), оснащённым по последнему слову сахарным

заводом («чем более сахар, тем выше цена, не так ли?») и сорока тремя («послушными и верными») работниками от пятнадцати до тридцати лет, не говоря уж о двенадцати рабынях детородного возраста и многочисленных детях, которые — если на то будет воля Господня — пополнят запасы рабочей силы.

Анри-Поль вел учёт доходов, которые ежеквартально поступали на его счёт в Банке Франции.

— Сто двадцать экю, — произнес Шарль. — Похвально.

Мурлыкая что-то про себя, он пошуршал бумагами и сделал пометку в блокноте.

— Очень недурно. У вас есть более свежие отчёты? За последние три года, к примеру?

Анри-Поль достал из кармана трубку, но, подумав, отложил её в сторону.

— События.

— Ах, значит, события...

Шарль Эскарлетт отлично знал, что никаких более свежих счетов нет и не могло поступить, но позволил себе развлечься, совсем чуть-чуть.

Двадцать лет назад, когда Анри-Поль взял ссуду под залог двух небольших шхун, чтобы купить сахарную плантацию на одном из Карибских островов, о котором в Сен-Мало почти никто и не слышал, Шарль Эскарлетт не присоединился к рядам зубоскалов, а всего лишь приподнял бровь.

«Недальновидность» Анри-Поля превратилась в «прозорливость», когда в Европе спрос на сахар возрос в два, три, а потом и в четыре раза. Даже в беднейших домах теперь обязательно варили варенье и пекли торты. Сахарный тростник лучше всего рос на почве именно того острова, и ни одна плантация не производила сахар белее, чем Сюкари-дю-

Жардан. За первый же год владения плантацией прибыль покрыла все расходы. Впоследствии Анри-Поль вложил доходы в увеличение флота до восьми судов (который перешёл по наследству старшему сыну, Лео), и Форнье пригласили присоединиться к французскому Обществу перевозчиков и купцов, где на ежегодном балу Анри-Поль (который принял чуть больше, чем следовало), хлопнув Шарля Эскарлетта по плечу, фамильярно обратился к нему на «ты».

Вот из-за этого несчастного «ты» Шарль и спросил об отчётах, которых не стоило и ожидать.

Неблагодарные рабы на плодородном островке подняли мятеж против своих законных хозяев. Пока бунтарские настроения среди рабов нарастали, французы в метрополии начали свою революцию и казнили короля. Революционное правительство, состоящее из непрактичных якобинцев (которые жили в Париже и, верно, не имели ни локтя собственной земли под плантациями!), одурманенные собственными лозунгами: «Свобода! Равенство! Братство!», освободили всех французских рабов!

Спустя несколько лет, когда во главе правительства встал Наполеон Бонапарт, условия существования на островке по-прежнему оставались нестабильными, опасными и определённо невыгодными для торговли. Самопровозглашённый негритянский генерал-губернатор искал способы сохранить связи с Францией (раздав тем не менее лучшие плантации своим сторонникам), но другие мятежники, недовольные его правлением, захватили их себе.

Шарль Эскарлетт понимал, что Анри-Поль не отдал бы девяносто процентов плантации Сюкаридю-Жардан сыну Огюстену, будь хоть малейшие га-